

ФИЛОСОФИЯ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ

В.Г. Федотова, А.Ф. Яковлева

DOI: 10.7256/1999-2793.2013.9.9239

НАУКА КАК ФЕНОМЕН МОДЕРНА. (Статья вторая)

Аннотация. Статья является продолжением ранее опубликованной в данном журнале статьи В.Г. Федотовой и А.Ф. Яковлевой «Наука и модернизация» (2012. № 9. С. 63-72). В ней рассматривается проблема изменений науки под влиянием меняющегося модерна. Одним из результатов этих изменений является многообразие видения науки сегодня и «война» представлений о ней, о ее задачах и эффективности, возникающая из-за стремления оказать влияние на организацию науки и образования. В статье дается оценка нынешней ситуации реформирования науки в России с позиций исторического опыта функционирования науки и социальных наук, в частности, в первом, втором и третьем модернах. В связи с начатым властью процессом «реформирования» Российской академии наук анализируются периоды в истории организации науки и общества, делаются выводы о том, что же предлагается взамен академической науки, направленной на получение фундаментального знания.

Ключевые слова: научное сообщество, гуманитарное знание, наука, социальная наука, реформы науки, образование, организация науки, аттестация, виды модерна, ученый.

Реформы в Академии наук и поиск новой модели научности

Объявленная в июне 2013 года реформа Российской академии наук воспринимается научным сообществом России, многими иностранными членами российской Академии наук как непродуманная и опасная для научного будущего России. Мы также имеем к ней серьезные претензии, но в этой статье хотим исследовать подобные периоды в истории организации науки и общества, чтобы получить ясные выводы о том, что же предлагается взамен академической науки, направленной на получение фундаментального знания.

Сегодня можно говорить о произошедшей девальвации и деградации в России системы научной аттестации из-за массового проникновения в нее посторонних науке, но влиятельных людей — членов Думы, сенаторов, губернаторов, прочего начальства, богатых дельцов. Их сопровождает свита нечестных малоизвестных ученых, согласных

на отношения «клиент — патрон». Это выгодно чиновникам — присвоить себе высокий научный титул «про запас», на случай отставки, обеспечить престиж, возможности козырять степенями, получать посты и зарплаты выше обычных, облекать свою доморощенную практику в «научно обоснованную», а на деле бюрократически имитирующую научные подходы. С этих позиций они начинают реформировать науку, подстраиваясь под свою имитацию ее практической значимости.

Настоящих ученых отличает любовь к своему делу, стремление к истине и воздействию на практику, осознание себя членами научного сообщества. Они стремятся, прежде всего, к научным результатам, к признанию сообществом значимости своего научного авторитета. Здесь престиж, соревновательность, соперничество играют главную роль и не позволяют прославиться нечестным путем. Научную степень здесь обычно получают, когда достоинства и способности претендента уже давно признаны сообществом. Э. Гуссерль видел кризис науки в том, что она перестает продвигать

Статья подготовлена при поддержке РГНФ, проект №11-03-00492а,
«Цивилизационные особенности России и специфика ее модернизаций»

человечество к тем перспективам будущего, которое ожидали получить на основе присущей ей рациональности. Но эта мысль, скорее всего, оказалась бы непонятной сегодняшним реформаторам российской науки, настроенным на прагматизм, немедленный результат и сваливающих нерешенность многих задач, которые чиновники должны были решить, на бездействие ученых.

Научное сообщество пытается сопротивляться снижению критериев качества, имитации перемен в практическом мышлении чиновников, противостоять слабым, бездарным или кем-то написанным, непрофессиональным работам, за которыми стоят подкуп, взятки. Такие защиты диссертаций проходят без участия квалифицированного научного сообщества, в слабых и не способных к сопротивлению ученых советах. Со стороны чиновничества было сделано все для снижения планки под разговоры об эффективности, практической значимости, подкрепленности реальными делами, о выработанной методике. В итоге чиновники завалили ВАК схематичными диссертациями собственного производства, которые не имеют ничего общего с наукой и пишутся кем попало.

Итак, первый контингент людей, вторгающихся в научную среду, — стремящиеся оправдать, подкрепить «научностью» свою начальственную деятельность и руководящий статус.

Вторая группа — включает и часть первой — откровенные консьюмеры при должностях, хватающие все, до чего можно дотянуться, что может пригодиться.

Многие беды научного мира России начались с объединения Министерства просвещения и Министерства образования. Просвещение в этом смысле — это не часть революционной триады (Ренессанс, Реформация и Просвещение), а обучение в школах. Это — не дело ученых. Учитель химии знает химию в рамках учебной программы или чуть более, но не создает новых идей, не совершает научных открытий. Его задача — учить, вызвать у учеников по возможности интерес к своему предмету, иметь доступные методики преподавания. Объединение двух министерств неожиданно привело к доминированию специалистов по «просвещению» над учеными и профессорами, преподающими в ВУЗах. Началось методическое «кликушество», господство пригодных лишь для школ методик в науке и высшем образовании. Сегодня ученому, преподавателю ВУЗа шагу ступить нельзя, чтобы не последовало требование предоставить методическую схему, отчет и пр. Тогда как в науке исполь-

зуется не методика преподавания для школьников, а методология, вырабатываемая самими учеными, где главное — талант. Начались гонения на мастер-классы, требования бесконечной писанины не по содержанию предмета, а по форме, по поводу правил обучения.

Наша страна второй раз попадает в ситуацию чрезвычайного *упрощения*, особенно в сфере социально-гуманитарных наук.

В 1920-30-е годы в СССР сохранилось определенное количество философских школ, знаменитых философов, таких как Г.Г. Шпет, В.Ф. Асмус, А.Ф. Лосев, А.М. Деборин и многие другие. Но в философию пришли люди с идеями *революционной целесообразности*, просто не понимающие значимости философских исследований, и наступил этап выхолащивания философского знания политической пропагандой, примитивными схемами, идеологическими догмами. Философия в СССР утратила свою высокую компетентность на несколько десятилетий.

Изменения, связанные с преодолением революционной целесообразности, начали происходить только после победы в Великой отечественной войне.

В конце 1940-х годов вопросы профессионального философского знания превратились в политическую проблему, о чем свидетельствует дискуссия по книге Г.Ф. Александрова по истории западноевропейской философии. Во время войны в Институте философии издавались работы И. Канта, что должно было показать: мы воюем не с немецким народом, а с Гитлером. Труд Александрова выдвинули на Сталинскую премию. Надо сказать, что Александров не был сотрудником Института философии, он был ведущим сотрудником в отделе пропаганды, кандидатом в члены ЦК ВКП(б), имел большой политический вес. Но через некоторое время рядовой профессор МГУ З.Я. Белецкий послал Сталину письмо, в котором гневно выступил против концепции Александрова, полагая, что тот возвеличивает Канта и Гегеля и тем самым восславляет аристократическую реакцию Германии против Французской революции. Белецкий увидел в этом антиреволюционную направленность мышления Александрова. Неожиданно Сталин поддержал Белецкого. Это удивило всех, поскольку вождь сам способствовал присуждению Александрову Сталинской премии второй степени. Премию отняли, в Институте философии были проведены специальные заседания. Первое заседание, на котором критиковались идеи Алек-

сандрова, состоялось в январе 1947 года. Протокол этого заседания стал, по сути, политическим заявлением: в книге слишком возвеличена старая философия, недооценен тот факт, что марксизм совершил переворот в истории философии, что теперь марксистское учение — самое главное. Была назначена новая дискуссия, на которой должен был выступить А. Жданов. Сталин указал Жданову на то, что философия стала научным оружием в руках пролетарских масс. Александров согласился учесть все замечания, обещал иначе расставить людей в руководящих советской философией организациях, согласился с обвинениями в адрес немецкой классической философии. Этим делом без конца занимался ЦК, ни одно письмо не прошло мимо внимания Жданова и Сталина.

Кто такой Белецкий? Революционер, сторонник революционной целесообразности. Он в семнадцать лет «ушел в революцию». И сохранил революционный дух на всю жизнь. Белецкого многие возненавидели. Он был изгоем в научной среде. Он был горбат. Он был злой, непреклонный. Но он был в этой истории единственным, кто не приспособивался. Он оставался человеком с революционным накалом и революционным пониманием мира.

Однако революционная воинственность Белецкого не получила тогда поддержки философского сообщества. Это означало, что общество в целом уже вышло из фазы революционной целесообразности. Это была предпосылка нового проекта общества. Всеобщая нелюбовь к Белецкому в философской среде говорила о том, что революционные принципы уже не работают.

Всякие большие перемены в обществе связаны с тем, что некие укорененные принципы, договоренности, принятые вначале, начинают расшатываться, а потом ломаются, и им на смену приходят другие. И 1960-е годы становятся временем окончательного угасания революционного накала. Появляются шестидесятники. *Единственным революционным актом, который произошел после войны, был как раз отказ от революционных конвенций в обществе, прежде всего, у интеллектуалов. Это был результат победы в войне и вызванными победой переменами в сознании людей.*

Либеральный проект 1990-х годов был, однако, сформулирован в 1990-ые самым революционным образом: «Иного не дано». Это снова была революция.

Но сегодня пришли новые революционные перестройщики-прагматики, сторонники новой

упрощенной целесообразности, имеющей имя «эффективность». Новые упрощители — политики, пиарщики, экономисты и юристы — переносят метрические и менеджеристские критерии управления на философию, социально-гуманитарные науки, науку в целом, хотя такие подходы неуместны даже для естественных наук. Ученые, Р.С. Гринберг, например, задают вопрос: «Сколько стоит уравнение Максвелла?». И дают ответ: «Нисколько». Но человечество произвело с помощью этого уравнения за двести лет несметное множество богатств. Поставили бы Максвелла под наукометрический контроль и строгую отчетность, могло бы ничего не быть.

И естественная, и социально-гуманитарная наука, и философия не могут быть подвергнуты тому же менеджменту, что производство и продажи пиццы или квартир. Сегодняшний российский менеджер, в котором воспитана самоуверенность пиарщика 1990-х, ошибочно полагается на универсальность принципов менеджмента, не принимая во внимание, что ученые способны произвести нечто совершенно новое, то, о чем никто даже не мог предположить.

Отрицание непредвиденных важных результатов науки очень похоже на результат революционной целесообразности своим требованием дать нечто конкретное и немедленное. *Новые упрощители убеждены в первостепенном значении бюрократической целесообразности и эффективности, которые на деле упрощают науку, подобно российской революционной целесообразности 1930-50-х годов или, как мы покажем далее, административному управлению наукой и обществом на Западе в 1960-е годы.*

Нынешняя научная среда, в которой так много некачественных работ и коррупции, сформирована именно чиновниками, слепо верящими в эффективность менеджеристского подхода. В своей непоколебимости они не уступят сторонникам революционной целесообразности былых лет. Как и тогда, научное сообщество не принимает их подходов, но противостоять им сегодня очень нелегко.

В адрес российских ученых раздается критика: в условиях экономического кризиса и нерешенных задач власть и общество не видят эффективного вклада науки в улучшение состояния общества. В чем оно должно состоять — важный и по-разному решаемый вопрос. Обратим внимание на то, что мировой характер экономического кризиса привел Запад к сходным проблемам. Выступавший 20 июня 2013 года на Ученом совете Института

философии итальянский философ Никола Руссо, профессор Неапольского университета, основанного в XIII веке, сетовал на отсутствие преподавания философии в большинстве итальянских университетов, на перенос этого предмета в упрощенном виде в школы после реформы, которой подверглось итальянское высшее образование несколько лет назад¹. Немецкие коллеги жалуются на узкую трактовку эффективности науки, загоняющую университеты в сферу зарабатывания денег посредством производства и продажи практически полезных результатов.

И то, что в дискуссиях о науке не встает вопрос о социально-гуманитарном знании (их вообще не упоминают, а выдающийся физик академик Ж. Алферов презрительно называет их философией, утверждая при этом, что примером философа является министр Д. Ливанов) — коренная причина неясности остального. В начале первого модерна Американская и Французская буржуазные революции уже питались социально-политическими теориями того времени, а экономика постоянно была ориентирована на применение эволюционирующих, меняющихся экономических теорий. Попытка обойтись в сегодняшней России без социальных теорий, без идеологий, отсутствие которых не формирует политической партийной системы, не дает сформироваться партиям, опирающимся на научно разработанные проекты будущего, односторонняя трактовка модернизации как технического обновления не создают перспектив для решения многих других вопросов.

Возможно, рассмотренная нами ниже история отношения к значению и применению науки на разных этапах модерна, позволит более адекватно и объективно понять намерения реформаторов науки, извлечь уроки и ученым, и недовольным ими чиновникам, в том числе и тем из них, кто защитил диссертации в полном пренебрежении правилами научности. Проблемы появились в связи с новым курсом модернизации, и появились не только у нас, но и на Западе, и в незападных странах, вступивших в быстрый экономический рост.

Рассмотрим отношение к науке и к ее применению на разных фазах модернизации, при разных типах современности.

¹ Подробнее: 20 июня 2013 г. на заседании Ученого Совета Института философии РАН состоялся научный доклад профессора Неапольского университета им Фридриха II Никола Руссо «Институционализация философии в Италии: университеты и академии» (<http://iph.ras.ru/russo.htm>).

Первый либеральный модерн и наука

В упомянутой первой нашей статье в данном журнале были представлены следующие виды и фазы модерна, две из которых — первая и вторая, уже обозначены в западной литературе (С. Лэш, П. Вагнер и др.), а последняя предложена одним из авторов этой статьи².

Первый либеральный модерн XIX в. сформировал автономного и ответственного индивида на Западе. Ему соответствовала наука, ориентированная на Просвещение с присущим ему высвобождением науки из-под власти теологических и метафизических конструкций, с ее рациональностью, объективностью, направленностью на получение истинного знания, всеобщностью научного труда (знание, полученное выдающимися учеными, принадлежало всему человечеству, не оплачивалось и не продавалось). Просвещение связывало науку с рациональностью, с прозрачностью мира для рационального изучения, с открывающимися отсюда бесконечными возможностями. Это относилось и к социальным наукам. Научное знание было продуктом модерна и одновременно формировало модерн, способствовало развитию индустриального производства. Наука здесь производилась отдельными учеными, делавшими открытия, а также научными сообществами. Они представляли собой специализированные в получении научного знания группы, формировались преимущественно в университетах. Все новые и новые открытия фундаментальных законов природы и общества наполняли этот модерн оптимизмом, амбициями, верой в прогресс. Опыт Запада стал восприниматься как образец естественно-исторического процесса модернизации, который другие страны и регионы могли лишь заимствовать. Другие рациональности не признавались, и в качестве основной модели модернизации стали рассматривать догоняющую Запад модель.

Второй организованный модерн и наука

Второй организованный модерн Запада занимал значительную часть XX в. Он возник на Западе после окончания Первой мировой войны и Октябрьской революции, прервавших либеральный модерн XIX в., и продолжался до середины 1970-х годов. Далее

² Федотова В.Г., Колпаков В.А., Федотова Н.Н. Глобальный капитализм: Три великие трансформации. Социально-философский анализ взаимоотношений экономики и общества. М.: Культурная революция. 2008.

наступил кризис, выразившийся в отрицании модерна постмодернистами и ожиданиях нового модерна со стороны модернистов (Ю. Хабермас, Э. Гидденс, У. Бек, назвавший общество постмодерна обществом риска). Наука этого периода стала постпросвещенческой, в значительной мере потерявшей амбиции и идеалы Просвещения. Исчезла вера в прозрачность мира для рационального научного познания, появилась конкуренция концепций науки, ориентированных на получение фундаментального, «чистого» знания законов природы и общества и практически применимой «хорошей науки», способной произвести «хорошее общество» в сфере политики, администрирования, в том числе и управления обществом, в экономике³. Термины «хорошая наука», как и «хорошее общество» стали ключевыми для решения практических задач, потеряли свое мировоззренческое содержание. Э. Гуссерль давно объявил подобное видение ставящим науку в кризисное состояние, не позволяющим ей реализовать те возможности, которые она открывала Европе.

Второй модерн называется организованным по ряду причин: 1) в 1960-е годы наука рассматривалась как сила, организующая социальный порядок в совместной работе с государством, властью, политикой, экономикой, образованием; 2) возникла социал-демократия как организованная попытка противостоять революции в западных странах и поддержать социальный порядок на основе коллективного договора государства, предпринимателей и рабочих; 3) выросло значение технократии как организатора общества, а вместе с ней менеджеризма, управляемости, плановости. Последнее обуславливалось двумя причинами. С одной стороны — открывшейся возможностью технологического применения фундаментальных наук, что составляло в 1970-е годы суть процесса НТР — научно-технической революции. С другой стороны — усилившимся использованием научного знания для решения практических целей.

Возникли принципиальные когнитивные и социальные сдвиги в развитии и функционировании науки. Классическая наука Первого модерна рассматривала процесс познания как отражение в познании объективной реальности (O — S), а цель науки как нахождение методов, позволяющих осуществить это отношение субъекта познания к своему объекту. Неклассическая наука Второго ор-

ганизованного модерна не воспринимала субъекта познания, будь то общество, исследовательская группа или отдельный ученый как пассивного, включала его в процесс познания, в особенности общества, где он сам являлся деятельной частью познаваемого объекта (O/S — S). В условиях кризиса Второго модерна, отмеченного постмодернистской критикой, релятивизацией, признанием важности внеаучного знания возникла постнеклассическая концепция научности, которая органически включила в объект познания не только действующего в нем субъекта, но и присущую ему практику (O/S/P — S), где O — объект, S — субъект, а P — практика⁴. Если прежние концепции научности имплицитно содержали требование приближения социально-гуманитарных наук к канонам естествознания, то теперь заметно обратное: все науки историчны, они работают с исторически выработанным набором познавательных средств, т.е. исторически и социально обусловлены. Это позволяло немецкой исследовательской команде, называвшей себя Штарнбергской группой, утверждать, что физика — такая же социальная наука, как и науки об обществе и что последняя, как и другие естественные и социальные науки, может ориентироваться на социальные цели⁵.

1960-е особенно отвечали названию «Второй организованный модерн», поскольку в этот период общество пыталось организовать себя как «административное», управляемое, планируемое⁶ повсюду ради повышения уровня благосостояния людей, переживших войну, создания государства всеобщего благоденствия. В этот период при университетах возникали специальные Бюро внедрения результатов социальных наук даже в США, где наука не рассматривала себя как работающая на правительство. Целые отрасли нового производства и организации управления возникли и в сфере применения социального знания. Т. Адорно

⁴ Чудинов Э.М. Природа научной истины. М., 1977; Федотова В.Г. Проблемы истинности и рациональности в социально-гуманитарных науках // Современные философские проблемы естественных, технических и социально-гуманитарных наук / ред. В.В. Миронов. М.: Гардарики. 2006. С. 520-533; Степин В.С. Научное знание и ценности техногенной цивилизации // Вопросы философии. 1989. № 10.

⁵ См. подробнее: Федотова В.Г. Штарнбергская группа (ФРГ) о закономерностях развития науки // Вопросы философии. 1984. № 3. С. 125-133.

⁶ Wagner P. Social Sciences and Social Planning during the Twentieth Century // The Cambridge History of Science. Vol. 7. The Modern Social Sciences. Ed. by Th. M. Porter, D. Ross. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. P. 591-607.

³ Wagner P. The Uses of the Social Sciences // The Cambridge History of Science. Vol. 7. The Modern Social Sciences. Ed. by Th. M. Porter, D. Ross. Cambridge: Cambridge University Press. 2008. С. 536-552.

критиковал административный характер такого общества, М. Фуко — его дисциплинарные практики, постмодернизм в целом отрицал эту вариацию второго модерна. Но точку поставили студенческие бунты 1968 г. в Германии и Франции, сломавшие стереотип административного общества на более демократически-массовое его состояние.

Наука при этом была организована во многом прежним способом как академическая — ориентированная на получение и применение фундаментального знания. Это не значит, что она развивается только в рамках академий наук. Ее развитие происходит в академических учреждениях, знаниевых корпорациях (например, Think Tank в США), в университетах.

Технологическое применение фундаментальных естественных наук создавало революционные изменения в науке и практике: если паровая машина могла быть построена без термодинамики, то атомная электростанция не могла появиться без атомной физики, компьютеры — без новых отраслей математики, геновая инженерия без генетики, выход в космос без выявленных наукой скоростей преодоления земного притяжения и способов их достижения и пр. Технологическое применение фундаментальных наук было предсказано К. Марксом как позитивный процесс будущего, создающий перспективу умственного труда.

Обычно концепции «общества знания» адресуют его появление следующему этапу развития как общества, так и науки — постиндустриальному обществу или «другому» постиндустриальному модерну. Но, на наш взгляд, такое общество — продукт Второго организованного модерна, отличающийся технологическим применением фундаментальных наук и появлением формул постнеклассической научности. Общества знания претерпевают изменения социальной сферы из-за превращения знаний в среду обитания человека.

Однако именно здесь, где обнаруживаются перспективы фундаментального знания, его революционные возможности для общества и технологий, возникают «крамольные» идеи об исчерпанности познания фундаментальных свойств и закономерностей природы и общества, о переходе к практически ориентированной науке, которая уже не ищет закономерности, а служит решению важнейших проблем — борьбы с раком, с экологическими проблемами, с угрозами войны, усовершенствованием ядерных технологий. Так, Штарнбергская группа в Германии назвала свою концепцию 1970-х годов «финализацией науки»,

т.е. завершением науки, открывающей закономерности природы.

Она произвела революционные сдвиги в области понимания задач науки и ее применения, являясь прологом будущих постакадемических теорий научного знания, основными чертами которых являются: работа на заказ, обусловленный внешними целями, оплачиваемая по ее результатам администраторами-менеджерами, возможность сделать ее результаты закрытыми, корпоративными, которые можно продать. Неакадемическая наука теряет принцип всеобщности (всеобщей доступности) научного труда и его результата.

Однако идея об исчерпанности фундаментальных исследований после НТР, обеспечившей поток фундаментальных открытий и значение науки как производительной силы, вдохновивший Штарнбергскую группу на предположение о завершенности фундаментальных исследований, был вскоре опровергнут. Фундаментальные открытия Н.Г. Басова и А.М. Прохорова подорвали идеи завершенности познания фундаментальных законов. Недавнее открытие графена российскими учеными, получившими нобелевскую премию в XXI в., продемонстрировало всю неисчерпанность познания фундаментальных явлений природы.

Под влиянием очевидной неисчерпанности фундаментальных открытий наукой Штарнбергская группа позже отказалась от жесткого тезиса о финализации закономерностей природы, но продолжала настаивать на преобладающей значимости фундаментального ответа науки на сформировавшиеся вне науки цели постижения природы, общества и человека. К новым проблемам были отнесены проблемы религии. Но в целом эта исследовательская группа завершила свое существование в качестве научного сообщества. Г. Бёме стал директором Института философии во Франкфурте на Майне. Группа перестала издавать и переиздавать свои труды с середины 1980-х годов. Ее исследования продолжали оставаться академическими по форме, т.к. осуществлялись научным сообществом на основе близости фундаментальных позиций, имели статус всеобщего труда — не продаваемого и доступного всем. Но уже формировалась альтернатива академическому научному знанию, а, скорее всего, эта школа производила род прикладного знания, альтернативного фундаментальному. Эта ситуация заслуживает сегодня пристального внимания в связи с реформой РАН, в которой целеориентированное научное знание должно занять определяющее место.

Выводы ученых, изучавших колебание маятника — академическая, фундаментальная науки или целеориентированная, чаще заказная, не всеобщая по типу труда в сфере социального знания: «...есть постоянные вариации в использовании социальных наук в странах и сферах (знания. — Авт.). Социальные науки, которые ориентируют себя на государство и правительство и чьи практические ориентации являются релевантными публичной политике и вмешательству государства в Европе в большей мере, чем в Соединенных Штатах. В противоположность этому изучение индивидов и из развития, с возможным применением и учетом их профессий, включая самопомогающие группы и профессии более развиты в США... поскольку это хорошо для бизнеса и стран, поддерживающих бизнес»⁷. Утверждающий это П. Вагнер, вместе с тем, считает, что «ни тезис о важности проникновения в жизненный мир посредством комплекса власть/знание, ни противоположный взгляд — об отходе к саморегулирующей модели общества не может быть поддержан. Есть лишь настойчивая проблематизация в постпросвещенческих обществах, запрашивающая полярность и неспособная разорвать ее»⁸.

Третий модерн XXI века и наука

Теперь мы обратимся к третьему модерну, изменениям и конфликтам в науке, которые произошли именно здесь.

Третий модерн возникает в 2000-е годы после разочарования посткоммунистического мира в возможности повторить первый либеральный модерн в форме догоняющей Запад модели модернизации. В это время модернизационные преобразования, начавшиеся ранее в странах Юго-Восточной Азии, ее «драконах» и «тиграх», продолжают в Бразилии, России, Индии, Китае, Южной Африке (БРИКС), Индонезии и других странах. Быстрый экономический рост этих стран, политические и социальные изменения в них происходят с признанием значимости собственной культуры и других особенностей.

Бывают ситуации, когда здравый смысл противостоит устаревшим теориям, выступая стимулом их обновления. Но сегодня ситуация представляется противоположной: рост значимости культур в модернизации стран порождает многообразие представлений и различий в здравом смысле. Если совсем

недавно, в 1990-е, повсюду считалось, что апелляция к культуре прячет отсталость, теперь же возобладало, отчасти под влиянием постмодернистской критики модернизма, отчасти из-за неудачного опыта посткоммунистической модернизации, убеждение в значимости культуры, становящейся интегралом плюралистической универсальности сегодняшнего развития. Теоретические исследования при этом подходе представлялись более общими и менее интересными. По мнению Н.С. Розова, которое мы разделяем, формируется «(не) мыслящая Россия: антитеоретический консенсус как фактор интеллектуальной стагнации»⁹ налицо. Академическую теоретическую традицию обвиняют в тривиализации. Это толкает к вере только в науку № 2 — постакадемическую науку. Наша страна нуждается в современных теориях и должна признать опасность изобретения велосипеда заново. *Взаимоотношение теории и практики становится ключевым пунктом изменения социальных теорий и реализуется в различных направлениях исследования.* «Мы находимся в довольно сложном положении, — пишет Ту Вэймин, — Нам предстоит преодолеть три преобладающие, но устаревшие дихотомии: “традиционное — современное”, “западное” — незападное”, “локальное — глобальное”»¹⁰. Представляется, что, возможно, сюда надо добавить «капиталистическое — социалистическое», «фундаментальное — ориентированное на внешние цели», «имеющее характер всеобщего труда — сделанное за деньги по заказам, не имеющее всеобщей доступности». Более обобщенно для науки: «академическое» — «постакадемическое». Мы же предпочитаем крайности.

Прикладная функция науки вытекает, прежде всего, из ее способности к получению знания, независимо от возможности его внедрения. Сложившаяся ситуация, когда регулятивом научной деятельности становится не получение знания, а получение спроса на технологию может развиваться самостоятельно только с учетом фундаментальных научных исследований и опыта получения технологических инноваций.

Философия, социально-гуманитарные науки, история науки раскрывают многообразие путей

⁹ Розов Н.С. (Не)мыслящая Россия: антитеоретический консенсус как фактор интеллектуальной стагнации // Прогнозис. 2007. № 3. С. 284-303.

¹⁰ Ту Вэймин. Множественность модернизаций и последствия этого явления для Восточной Азии // Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу / под ред. Л. Харрисона и С. Хантингтона. М., 2002. С. 236-250.

⁷ Wagner P. The Uses of the Social Sciences. P. 551.

⁸ Там же.

формированию запроса на практическое применение научного знания. Мы также ответственны за гуманитарную экспертизу, выявление многообразия последствий научно-технического прогресса, предвидение и прогнозирование как факторов риска, порождаемых внедрением научно-технических и социальных инноваций, так и позитивных тенденций развития общества. Особенностью философских и

социально-гуманитарных исследований является симбиоз анализа научно-технических процессов, происходящих в мире, и ценностно-этической их составляющей, поднимающей вопросы духовно-нравственной консолидации людей, раскрывающей перспективу разворачиванию социально-нравственных перспектив науки, ослабление которых Э. Гуссерль посчитал кризисом науки еще в 1936 г.

Список литературы:

1. Степин В.С. Научное знание и ценности техногенной цивилизации // Вопросы философии. 1989. № 10.
2. Федотова В.Г., Колпаков В.А., Федотова Н.Н. Глобальный капитализм: Три великие трансформации. Социально-философский анализ взаимоотношений экономики и общества. М.: Культурная революция, 2008.
3. Розов Н.С. (Не)мыслящая Россия: антитеоретический консенсус как фактор интеллектуальной стагнации // Прогнозис. 2007. № 3.
4. Федотова В.Г. Штарнберская группа (ФРГ) о закономерностях развития науки // Вопросы философии. 1984. № 3.
5. Ту Вэймин. Множественность модернизаций и последствия этого явления для Восточной Азии // Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу / Под ред. Л. Харрисона и С. Хантингтона. М., 2002.
6. Чудинов Э.М. Природа научной истины. М., 1977.
7. Wagner P. Social Sciences and Social Planung during the Twentieth Century // The Cambridge History of Science. Vol. 7. The Modern Social Sciences. Ed. by Th. M. Porter, D. Ross. Cambridge: Cambridge University Press, 2008.
8. Wagner P. The Uses of the Social Sciences // The Cambridge History of Science. Vol. 7. The Modern Social Sciences. Ed. by Th. M. Porter, D. Ross. Cambridge: Cambridge University Press, 2008.

References (transliteration):

1. Stepin V.S. Nauchnoe znanie i cennosti tehnogennoy civilizacii // Voprosy filosofii. 1989. № 10.
2. Fedotova V.G., Kolpakov V.A., Fedotova N.N. Global'nyy kapitalizm: Tri velikie transformacii. Social'no-filosofskiy analiz vzaimootnosheniy ekonomiki i obschestva. M.: Kul'turnaya revolyuciya, 2008.
3. Rozov N.S. (Ne)myslyaschaya Rossiya: antiteoreticheskiy konsensus kak faktor intellektual'noy stagnacii // Prognosis. 2007. № 3.
4. Fedotova V.G. Shtarnberskaya gruppа (FRG) o zakonomernostyah razvitiya nauki // Voprosy filosofii. 1984. № 3.
5. Tu Veymin. Mnozhestvennost' modernizaciy i posledstviya etogo yavleniya dlya Vostochnoy Azii // Kul'tura imeet znachenie. Kakim obrazom cennosti sposobstvuyut obschestvennomu progressu / Pod red. L. Harriersona i S.Hantingtona. M., 2002.
6. Chudinov E.M. Priroda nauchnoy istiny. M., 1977.
7. Wagner P. Social Sciences and Social Planung during the Twentieth Century // The Cambridge History of Science. Vol. 7. The Modern Social Sciences. Ed. by Th. M. Porter, D. Ross. Cambridge: Cambridge University Press, 2008.
8. Wagner P. The Uses of the Social Sciences // The Cambridge History of Science. Vol. 7. The Modern Social Sciences. Ed. by Th. M. Porter, D. Ross. Cambridge: Cambridge University Press, 2008.